

ИЛЬЯ
СТОГОВ
СЕРЕБРЯНАЯ
ЛЕГЕНДА

Антропологи в поисках истоков
первых цивилизаций

Илья Стогоff

Серебряная легенда

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68523753
Серебряная легенда: РИПОЛ классик; М.; 2022
ISBN 978-5-386-14529-3

Аннотация

Любая легенда складывается из хора голосов, из поколения в поколение переходят рассказы о героях, богах и великих войнах, оставаясь в культуре сильными и волнующими образами с уже никому неизвестными истоками.

Любая цивилизация начинается с маленьких коллективов, которым повезло иметь стратегическое преимущество, чтобы начать богатеть, захватывать соседей и достигнуть пика своего могущества, а после стать загадкой для исследователей и археологов.

Эта книга рассказывает о доколумбовых цивилизациях через мифы и легенды самих народов Нового Света, через труды и путешествия ученых Нового времени, а также голосом автора, который доступным языком осмысляет все слои знаний и смыслов, скопившихся за тысячелетия развития.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая. В начале была дорога (Великие озера и меховая торговля)	5
Глава первая. С чего начинается история	6
Глава вторая. Джон Хьюитт. «Космогония ирокезов» (1903)	20
Глава третья. Элиас Джонсон. «Предания Шести народов и История Тускарора» (1881)	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Илья Юрьевич Стогов

Серебряная легенда

© Стогов А. Ю., 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2022

**Часть первая. В начале
была дорога (Великие
озера и меховая торговля)**

Глава первая. С чего начинается история

1

В самом конце 1960-х в Перу приехал американский антрополог Майкл Мозли. Вообще-то, закончив Гарвард, специализироваться Мозли собирался не на Перу, а на культурах древней Колумбии. Однако, буквально накануне его первой экспедиции, из колумбийских джунглей вышли то ли партизаны, то ли наркоторговцы, которые сожгли тот самый вокзал, до которого собирался ехать исследователь, и расстреляли всех полицейских в округе.

Мозли решил, что Колумбия подождет, и отправился на перуанское побережье. Этот район понравился ему даже больше, чем Колумбия. Из перуанской столицы города Лима на север страны ходят комфортабельные автобусы. Кресла в них широкие и удобные, как в самолете, а в пути девушки-стюардессы предлагают ланч и кофе, но ехать все равно утомительно. Двигаться вы станете вдоль побережья, и на протяжении пути взгляду за окном зацепиться будет совсем не за что. Час за часом одно и то же: слева серый Тихий океан, справа, то, приближаясь к самой дороге, то, отползая к

кроме горизонта, отроги Анд. А между горами и океаном бесконечная скучная пустыня: серый песок, красноватый песок, грязно-желтый песок и снова очень много серого песка. Несколько раз автобус делает остановку в тихих двухэтажных городках. Над городками парят мелкие местные кондоры.

Вдоль берега несет свои воды холодное океанское течение. Поэтому чересчур жарко в Перу не бывает даже в разгар лета. Воздух, несмотря на близость моря, совсем сухой. Приятным район не назовешь: худо-бедно растительность тут заметна лишь по берегам местных рек. С гор к берегу стекают небольшие речушки, и в долине чуть ли не каждой из них обнаружено древнее, а иногда – очень древнее поселение.

Всего рек здесь около полусотни. Истоки их лежат в горах, а уже через несколько десятков километров реки впадают в Тихий океан. Все они недлинные, мелководные и мутные. Может быть, правильнее было бы назвать их не «реками», а «крупными ручьями»: кажется, будто некоторые можно буквально перепрыгнуть.

Зато раскиданные по их берегам древние поселения относятся, наоборот, к наиболее крупным и развитым в Южной Америке. Такого изобилия древних руин, как тут, нет нигде в мире. Линия океанского прибоя тянется на сотни и тысячи километров, и на нее, как на ниточку, нанизаны жемчужины археологических сайтов: комплекс Сечин-Байо в долине реки Касма... гигантское поселение Караль в долине реки

Супе... Эль-Параисо в долине Чильон... Купиниске в долине Чикама... Уака-ла-Флорида и Гарагай в долине Римака... масштабные руины Кардаля в долине реки Луруин.

Торчащие из песка платформы считаются остатками самых первых развитых культур Нового света. При этом, даже самый восторженный путешественник вряд ли назовет места, где они выстроены, цветущим уголком. Слишком сухой климат, слишком неплодородная почва, слишком много труда потребуется, чтобы получить здесь хоть какой-то урожай. И, обследуя громадные, раскинувшиеся на десятки, а иногда и сотни гектаров древние поселения Перу, в какой-то момент Майкл Мозли уперся в резонный вопрос: а чем в древности могли питаться местные жители, если даже в наши дни почти все продовольствие тут привозное?

Ответ, в общем-то, лежал на поверхности. Перуанское побережье – чуть ли не самый богатый морской живностью регион планеты. Холодное океанское течение безнадежно испортило здешний климат, но одновременно создало в прибрежных водах уникальную экосистему. Воды тут кишат планктоном, рыбой, крабами, моллюсками и прочими морепродуктами. Этого добра здесь столько, что местные крестьяне даже удобряют мукой из сушеной рыбы свои неплодородные поля.

Проведя расчеты, Мозли убедился: один единственный рыбак в утлой лодчонке и с самой примитивной сетью за считанные часы получит здесь больше питательного белка,

чем целая команда земледельцев за месяцы адского труда. А раз так, то, возможно, фундаментом, на котором выросли древнейшие культуры перуанского побережья, вполне могло быть не земледелие, а рыболовство.

Полученные выводы Мозли опубликовал в 1973-м в виде небольшой статьи. Особого значения публикации он не придавал и, возможно, через некоторое время даже забыл бы о ней, но со стороны коллег на статью последовала резкая и жесткая реакция.

2

Самому Мозли казалось, будто речь идет просто о любопытном нюансе. Надо же: по всему миру крупные города строили лишь земледельцы, а в Перу возможно, еще и рыболовы. Однако коллеги сразу разглядели в его выводах бомбу, заложенную под всю привычную картину человеческого прошлого.

Эта картина была сформулирована еще в 1930–1940-х. В наиболее отточенном виде изложена она была в работах британского исследователя Вира Гордона Чайлда.

Будущий классик археологии родился в Новой Зеландии, а карьеру начинал в Австралии, причем никакого отношения к археологии карьера сперва не имела. Студентом Чайлд прочел «Капитал» Карла Маркса и был очарован. Поговорить о борьбе классов и коммунизме он любил до старости.

Первым местом его работы после университета стал пост в администрации одного из австралийских штатов.

Должность его вполне устраивала, но через пару лет премьер-министр, покровительствовавший юному чиновнику, внезапно умер, и Чайлду пришлось оставить службу. Решив, что в Австралии каши не сваришь, он перебрался в метрополию. И здесь неожиданно сменил род занятий. Вместо того, чтобы идти по политической стезе, вдруг занялся наукой. Сперва стал библиотекарем Королевского антропологического института, а потом возглавил кафедру в Эдинбургском университете.

Несмотря на высокий пост, Чайлд так и остался большим ребенком. По крайней мере, так казалось окружающим. Он владел невообразимым количеством языков и мог прямо посреди лекции перескочить на какой-нибудь португальский, который студенты, разумеется, не понимали. Или появлялся перед малознакомыми визитерами в чалме и среднеазиатском халате, надетом чуть ли не на голое тело. Но самым забавным чудачеством всем вокруг казалась его симпатия к коммунизму.

За достижениями СССР Чайлд следил с огромным интересом. Даже выучил ради этого русский. В 1935-м впервые съездил в страну своей мечты и вернулся оттуда очень воодушевленным. В СССР тогда по-прежнему изучали взгляды Энгельса (и даже его предшественников), сформулированные еще на заре наук о человеческом прошлом. То есть

тут надолго оказались законсервированы как раз те концепции XIX века, от которых западные авторы давно отказались.

Суть концепций состояла в том, что все до единого доисторические культуры, постепенно развиваясь и совершенствуясь, проходят похожие стадии развития. Сперва это бродячие дикари, потом более или менее оседлые варвары, и только под конец – цивилизованные горожане. Правда, в чем именно состояла суть перемен, понять из статей теоретиков иногда бывает сложно. Переход от одной «стадии» к другой представлялся им чем-то вроде взросления отдельного человека. Пришло время, и младенец пополз. А потом и зашагал. Прошло еще несколько лет, и у него начала расти борода. Так же и в случае с древними коллективами: пришел момент, и бродячие охотники перестали бродить. Прошло еще некоторое время, и люди стали строить первые города.

Ничего не меняя в этой картинке, Чайлд дополнил ее объяснением того, что же конкретно двигало историю вперед. В двух своих самых известных работах («Человек создает себя сам», 1936, и «Что случилось на протяжении истории», 1942) он описал процесс, получивший название «неолитическая революция».

Из всех исторических концепций, сформулированных в XX веке, эта, наверное, наиболее известна. Прежде никто не мог толком объяснить, чем же «история» отличается от «доисторического прошлого», но Чайлд, наконец, расставил все по местам. Суть процесса в том, что по ходу «неолитической

революции» человек научился сам создавать себе еду. А конкретнее: мотором перемен служил переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству.

Именно переход к земледелию превратил бродячих охотников в оседлых горожан, бескультурных варваров – в цивилизованных строителей пирамид. До «неолитической революции» люди питались, чем Бог пошлет: охотились, собирали корешки, ловили рыбу. Если рыба не поймалась, – голодали. А потом (в процессе «революции») они стали сами создавать себе пропитание. И прежде всего – сеять злаки.

Все, что отличает современного человека от его полуживотного предка, есть результат внедрения земледелия. Сперва люди бродили, будто животные, не имели имущества и были равны между собой. Но чтобы выращивать злаки, нужно жить рядом с пашней. Так человек перестал скитаться и стал оседлым. Чтобы выращенные злаки не пропали, их нужно как-то хранить. Так появилась керамика, а потом и архитектура (первыми монументальными постройками Чайлд считал склады зерна). Сытые и довольные люди стали усиленно размножаться. Так по всей планете увеличилась плотность населения. Больше работников произвели больше еды, и, в конце концов, наступил момент, когда еды стало так много, что часть людей смогла не работать, а просто отбирать пищу у тех, кто послабее. Так возникли классы и государства. «Неолитическая революция» триумфально завершилась: доистория кончилась, наступила история.

В 1957-м Чайлд был вынужден оставить пост директора Лондонского института археологии, и вернуться в Австралию. Там он попробовал устроиться в Университет Сиднея, но безуспешно. В разгар холодной войны человеку, способному вставить в доклад цитату из «гениальной статьи товарища Сталина», рады тут не были.

Старый, больной, уже не способный работать с такой самоотдачей, как прежде, и вдобавок почти ничего не видящий в своих очках с толстенными линзами, Чайлд уехал отдохнуть в горы и сорвался с 70-метровой скалы. Ходили слухи, что это был суицид, но официальное заключение констатировало несчастный случай.

Обидно, что произошло это именно в тот момент, когда концепция «неолитической революции» понемногу становилась общепризнанной. После войны книги Чайлда были изданы университетами США, а потом по несколько раз переизданы. Лаконичные, емкие, опирающиеся на результаты новейших раскопок, они предлагали очень логичную схему происхождения цивилизации. Многие американские ученые писали, что работа Чайлда «Что случилось на протяжении истории» для археологов послевоенного поколения стала просто Библией.

Концепция «неолитической революции» была включена

во все курсы американской археологии. И после этого воспринималась уже, как стопроцентно доказанный научный факт. Согласно этой теории переход от варварства к цивилизации мог начаться только после того, как древний человек решал вопрос с пропитанием. А единственное, что решает вопрос радикально, это земледелие – начало выращивания хотя бы одной зерновой культуры. Нет земледелия – не будет ни городов, ни государств, ни развитой культуры.

Именно после Чайлда археология стала довольно скучной наукой. Чтобы понять прошлое, археологи теперь искали только две вещи: следы земледелия, и еще керамику. Все остальное считалось второстепенным. И именно этой общепризнанной концепции противоречили теперь работы Майкла Мозли, касающиеся древних перуанских рыбаков. Оппоненты отказывались рассматривать его аргументы по существу, а с порога заявляли: тот, кто желает разобраться с происхождением самых первых культур Нового света, должен не отвлекаться на всякую ерунду, а искать следы развитого земледелия, ведь только оно и могло быть тем рычагом, с помощью которого древние перуанцы вытащили себя из трясины варварства и перешли к строительству первых пирамид.

Мозли такая реакция удивила. Отвечать он пытался в том смысле, что, по сути, картина, которую они видят на древних сайтах Перу, не сильно теории Чайлда и противоречит. Чтобы перейти к строительству цивилизации, человек и, правда,

должен решить вопрос с продовольствием. Но так ли уж важно, каким именно путем продовольствие будет получено?

Где-то под боком у людей оказалась плодородная почва, и там строители первых городов питались хлебными лепешками, да кашами, сваренными из злаков. В других местах почвы не оказалось, зато был кишачий рыбой океан, и там строители первых городов жарили себе на обед вкусную макрель.

Древние китобои Чукотки и Камчатки убивали гигантских морских животных, каждое из которых на несколько месяцев обеспечивает мясом целую деревню. Подданные индейских княжеств Канады били идущего на нерест лосося: тонны вкусного белка сами каждый год набивались в реки, по берегам которых жили эти люди. В обоих случаях перед нами оседлые и вовсе не бедствующие коллективы. Их члены возводили величественные святилища и крепости, владели рабами, истребляли отправленные против них европейские армии и создавали яркие произведения искусства. И все это без каких бы то ни было следов земледелия.

Важно, чтобы источник пищи был надежным, никогда не иссякающим. А что конкретно это будет за пища – здесь (считал Мозли) возможны варианты. Урожай ведь может замерзнуть или засохнуть... его может побить град или сожрать саранча... а тот же лосось никуда не денется: каждый год в одно и то же время рыба обязательно придет на нерест в одну и ту же реку. Тащи ее на берег, и добро пожаловать к столу.

И до, и после Мозли специалисты пытались опровергнуть точку зрения Чайлда, или хоть как-то ее подправить. Однако, серьезных успехов не добились. Концепция «Неолитической революции» какое десятилетие подряд преподается в университетах и считается почти общепризнанным объяснением того, как именно возникли первые цивилизации планеты.

При этом, факты, добытые археологами, порой с трудом вписываются в слишком уж стройную схему Чайлда. Исследователи, занимающиеся первыми культурами планеты, отмечали, что, вообще-то говоря, переход от охоты к земледелию не облегчал жизнь людей, а здорово ее усложнял.

Чтобы добыть то же количество пищи, первым земледельцам приходилось тратить больше усилий, чем охотникам, получая при этом продукт, куда худшего качества. Этнографические данные свидетельствуют: охотник тратит на убийство животного от силы десять процентов своего активного времени, и в результате сразу получает годный к употреблению животный белок. А земледelec добывает то же количество белка, затратив восемьдесят процентов времени, причем полученный им продукт нужно еще как-то приготовить.

Чайлд разрабатывал свою теорию на материалах Европы и Ближнего Востока, где основными сельскохозяйственными

ми культурами были пшеница и рожь. Он считал, что первые земледельцы просто бросили семена в землю, быстро получили урожай, и сразу убедились, что так жить проще, нежели с помощью охоты. Возможно, на Ближнем Востоке все так и обстояло. Однако в других регионах мира люди выращивали иные культуры: в Новом свете кукурузу, а в Юго-Восточной Азии просо и рис. И то, что видят исследователи здесь, в схему Чайлда вписывается опять-таки с трудом.

Например, рис дает приличные урожаи только при соблюдении множества сложных условий (так называемая «технология заливного рисоводства»). Сперва рассаду надо высадить на особых грядках. Потом пересадить на специально подготовленную почву террас. Потом террасы заливают водой, причем ее уровень должен быть не ниже и не выше определенной отметки, а в самом конце воду нужно еще и спустить. Нормальный урожай высаженный рис даст только при соблюдении всех перечисленных условий, – а если условия не соблюдать, то можете считать, что просто выкинули семена. Спрашивается: зачем вообще древние земледельцы занимались рисоводством, если до того, как эта система была разработана и отточена, нормального урожая получить они все равно не могли?

За последние десятилетия несколько исследователей, независимо друг от друга высказывали парадоксальную мысль: возможно, все было не так, как описывал Чайлд, а ровно наоборот. Не земледелие породило государственную

власть, а как раз сильная и безжалостная власть заставила подданных практиковать земледелие, которое на первых порах не давало никаких ощутимых выгод. Чайлд предполагал, будто земледелие облегчало жизнь тех, кто начинал им заниматься, открывало перед ними радужные перспективы. А эти ученые считали, что жизнь первых земледельцев напоминала сущий ад, и вряд ли кто-нибудь стал бы по собственной воле заниматься столь каторжным трудом, да только выбора у людей не было: им приходилось сеять и жать, потому что на них оказывалось жесткое давление.

Кто тут прав, и можно ли вообще рассматривать эти взгляды всерьез, сказать сложно. Другое дело, что концепцию «неолитической революции» даже и сам Чайлд никогда не считал догмой. Возражения он предвидел, и заранее предупреждал:

– Описанная модель, – чистая абстракция. Предлагаемая схема [неолитической революции] скомбинирована из нескольких черт, которые этнографы видели у современных «дикарей», плюс из материалов некоторых ископаемых поселений. Ответить на вопрос, была ли эта схема хоть где-то реализована в том виде, как она мною описана, смогут лишь полевые исследования, посвященные конкретным культурам.

Именно поэтому здесь, в этом месте, я предлагаю прерваться и перейти непосредственно к текстам. Мы начнем с произведений, созданных индейскими историками региона

Великих озер.

Глава вторая. Джон Хьюитт. «Космогония ирокезов» (1903)

В 1880-м американка Эрмин Смит познакомилась с молодым метисом, которого звали Джон Наполеон-Бринтон Хьюитт. Тот произвел на даму приятное впечатление, и некоторое время спустя Смит договорилась, трудоустроить нового знакомого в Бюро этнографии Смитсоновского института.

Смит на тот момент было уже за сорок. Это была яркая женщина: деятельница феминистского движения, учредительница литературного салона, приятельница Оскара Уайльда... А Хьюитту едва исполнился двадцать один год и ничем (кроме владения индейскими языками) похвастаться он пока что не мог.

Мама Хьюитта считалась индеанкой (хотя и не чистокровной, а с примесью французской крови), отец был шотландцем. То есть индейцем его можно назвать с большой натяжкой. В семье говорили по-английски, и до того, как поступить в школу, никаким иным языком Джон не владел. Язык индейцев тускарора он освоил подростком, общаясь с одноклассниками. Это, однако, не мешало ему всю жизнь представляться самым, что ни на есть индейцем, да и окружающие воспринимали его тоже именно так.

Среди множества проектов, за которые бралась Эрмин

Смит (и к большинству из которых быстро остывала) была и идея составить словарь какого-нибудь из стремительно исчезающих индейских наречий. В этом смысле новый знакомый мог оказаться полезен. Европейски-образованный и при этом имеющий связи в индейской среде, Хьюитт должен был провести для нее большую часть работы, а Смит в свою очередь гарантировала ему какую-никакую оплату труда. Такие условия устраивали обе стороны.

За работу Хьюитт взялся, засучив рукава. Следующие несколько лет он честно выполнял свою часть договоренностей: ездил по резервациям, составлял списки слов, записывал поговорки, сказки, мифы и вообще все, что удавалось, — и тут Смит скоропостижно умерла. На некоторое время проект повис в воздухе.

Впрочем, для Хьюитта все обернулось неплохо. В Бюро американской этнографии, сотрудником которого он числился, сумели оценить молодого, но толкового специалиста. Хьюитту было позволено продолжить работу на прежних условиях.

Индийской этнографией он увлеченно занимался еще несколько десятилетий подряд, став за это время ведущим специалистом по духовному миру коренных американцев. Хьюитт был удостоен множества наград и ученых званий, а когда в 1937 он умер, его архив с записями фольклора тускарора составлял аж 12.000 страниц.

К качеству научных работ Хьюитт был очень требо-

вателен, и результаты исследований публиковал нечасто. Наиболее заметной из его книг стала «Ирокезская космогония», перевод которой мы и предлагаем вашему вниманию.

Больше десяти лет (с 1889 по 1900) Хьюитт разыскивал среди стариков-ирокезов наиболее авторитетных хранителей преданий и, нужно сказать, ему удалось зафиксировать традицию еще в том виде, в котором вскоре она просто перестала существовать. Для своего времени это была важная работа, хотя, если говорить откровенно, то по сегодняшним меркам ее научная ценность не то, чтобы очень уж и велика.

Хьюитт, похоже, верил, что в древности народ ирокезов представлял собой одно, не очень большое племя, члены которого на протяжении веков (а может быть и тысячелетий) обитали на том самом месте, где застали их первые белые путешественники. Лишь много позже единый народ распался на несколько племен, а его священная традиция (этакая устная индейская Библия) дошла до нас в обрывках и фрагментах. Поэтому Хьюитт запросто объединял варианты, записанные от разных информаторов, редактировал их и подправлял, добиваясь стройности и внутренней непротиворечивости.

Трудно сказать, каким именно было древнейшее прошлое ирокезов, – но почти наверняка не таким, как представлял себе Хьюитт. Первые европейцы попытались всерьез закрепиться на побережье Северной Америки в начале XVII века.

К тому времени регион был поделен между огромным количеством мелких и очень мелких индейских кланов.

Люди, обитавшие в лесах, охотились и собирали ягоды. Те, кто жил по берегам Великих озер, питались собственно-ручно пойманной рыбой. Ресурсы, которыми они располагали, были одни и те же у каждого коллектива: все местные селения, все местные племена были одинаково бедны. А раз так, то и шансов возвыситься над соседями, подчинить их своей власти, сплотить племена в единую державу никто из них не имел.

До прибытия белых это были очень небольшие, очень небогатые, живущие далеко в стороне от развитых центров Нового света коллективы. Ни мощных политических объединений, ни централизованной власти, ни крупных поселений, ни яркого искусства мы здесь не встретим. Какая-то часть местных жителей говорила на ирокезских языках, — однако вряд ли сами эти люди считали себя членами единого «народа ирокезов». На территории нынешнего штата Нью-Йорк жили несколько враждующих между собой кланов, которые лишь позже создали знаменитую ирокезскую Державу (именно среди их потомков Хьюитт и записывал древние мифы). Западнее, на территории канадской провинции Онтарио, жили так же говорящие по-ирокезски эри, «нейтральные» индейцы и гуроны. На равнинах юга обитали тускарора и сусквеханноки. Скорее всего, в древности ирокезских народов здесь было и еще больше, однако данных о

ранних этапах их истории у специалистов почти нет.

Племена без конца переселялись на новые территории, смешивались с соседями, или, наоборот отделялись от них и уходили на незанятые земли. Когда племя оказывалось разбито врагами, его выжившие члены входили в состав племени-победителя, и после этого меняли название, место жительства, а иногда и язык. Разобраться в подробностях местной истории – для непрофессионалов задача почти непосильная: каждые поколение-два карта региона изменялась до неузнаваемости. Так что идиллическая картинка, которую, собирая ирокезские предания, представлял себе Хьюитт (единый народ, издавна обитающий на унаследованной от предков земле) вряд ли соответствует действительности.

Это, впрочем, не мешает «Ирокезской космогонии» оставаться классикой индейских исследований. Как бы то ни было, перед нами все-таки текст, составленный самым первым антропологом-индейцем по рассказам действительно авторитетных хранителей традиции. Из трех, опубликованных Хьюиттом вариантов мифа, мы приводим лишь один: версию народа Мохавков.¹

---

¹ Отметим сразу, чтобы не возвращаться к этому в дальнейшем: при подготовке данного издания нами был осуществлен полный комментированный перевод каждого из публикуемых ниже текстов. Однако, из-за ограниченного объема издания, и здесь, и далее все они приводятся лишь во фрагментах. Хочется надеяться, что публикация полных комментированных переводов со временем так же окажется возможна.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРА СОГЛАСНО ПРЕДАНИЯМ НАРОДА МОХАВКОВ

В Верхнем мире жили человеческие существа, которые не знали, что такое лить слезы, ни, тем более, что значит умирать. Не были им известны ни печаль, ни смерть. Жили они в длинных домах: каждая семья в собственной части дома, а поскольку семей было много, то и дома у них были очень длинными [...].

[В этом мире жила женщина, муж которой как-то сказал]:
– Я заболел.

Его люди удивились, ведь никто не знал, что это значит. Они принялись советоваться, решать, что теперь делать. Каждый размышлял, думал, как помочь тому, кто был болен, но, как они ни старались, болезнь не отступала. И тогда они решили погадать. Раз сами вылечить его не смогли, решили спросить у духа-хранителя заболевшего.

– Что нам сделать, чтобы ты исцелился от болезни?

– Думаю, что поправлюсь, – получили они ответ, – если с корнями выдернете дерево, отбрасывающее тень на мое жилище, так, чтобы оно не стояло прямо, а лежало бы на земле.

Люди с корнем вырвали дерево, что росло перед жилищем. Это была дикая вишня, цветки ее радовали тех, кто жил вокруг. Эти цветки были белыми и светили тем людям вместо солнца, ведь солнца в то время еще не было [...]. На

месте, откуда выкорчевали дерево, образовалась бездонная яма, ведущая прямо в перевернутый Нижний мир.

Он сказал супруге:

– Загляни вниз, посмотри, что творится там, в Нижнем мире.

Супруга наклонилась вперед, чтобы заглянуть в отверстие, а он положил ладонь ей на затылок, что есть силы, толкнул, она свалилась вниз [...].

Миновав границу иного мира, женщина огляделась, увидела, что все вокруг голубое, а больше ничего и нет. Она не знала, что может быть дальше, а просто падала. Посмотрев вниз, что-то там разглядела, но пока не понимала, что. Под ней была бесконечная вода, и падала она прямо в эту воду.

А на поверхности воды туда-сюда плавали, будто каноэ, все виды водоплавающих животных. Гагара первой разглядела ее и закричала:

– Некая Женщина, человеческое существо, приближается к нам из глубины вод!

Но Выпь поправила ее:

– Не приближается снизу, а падает сверху! Не из глубин, а с небес!

И живые существа стали совещаться, решать, в состоянии ли они помочь Женщине. Наконец было решено обратиться к Великой Черепахе.

Гагара прокричала:

– Плавай ровно под местом, на которое она упадет!

Вверх, навстречу женщине, они отправили множество птиц различных видов. Те вылетели ей навстречу, подставили женщине спины, приняв ее себе на спины, вместе с ней стали медленно спускаться. Великая Черепаха подставила панцирь. К ней на панцирь птицы и опустили женщину [...].

Женщине пришло время родить, и она родила еще одно женское существо, девочку. Обе они, мать и дитя, жили вместе. Удивительно, как быстро девочка выросла, из младенца превратилась в девушку. Их по-прежнему было лишь двое, потому что иных человеческих существ на земле тогда не было.

Когда девушка подросла, мать часто повторяла:

– Если встретишь кого-нибудь, обязательно скажи мне. Если кто-нибудь предложит: «Стань моей женой», не слушай. Кто бы не предложил быть с ним, отвечай: «Не бывать тому, пока не получу разрешения матери!».

Так и вышло. Сперва один жених, а потом другой приходили к девушке, просили ее в жены, но она отвечала, что сперва должна спросить разрешения матери, а мать каждый раз отвечала:

– Нет, потому что это не человек.

Но однажды девушка сказала:

– Ко мне приходил тот, у кого есть руки, у кого есть ноги.

Старшая женщина ответила:

– А что? За него, пожалуй, можно выйти замуж.

Девушка вернулась, сказала жениху:

– Она сказала, мы можем быть вместе.

Юноша ответил:

– Вернусь, когда стемнеет.

В назначенное время пришел к ней, стал оказывать девушке знаки внимания, но вместе в тот раз они двое так и не легли. Когда девушка стала засыпать, он положил рядом одну из стрел, а сам ушел. Потом вернулся, забрал стрелу и ушел уже навсегда, больше не возвращался.

Некоторое время спустя, старшая женщина поняла, что дочь беременна.

Когда пришло время рожать, оказалось, что во чреве ее близнецы, двое человеческих существ, двое мальчиков [...].

Первый из близнецов явился на свет. Он родился так, как с тех пор рождаются люди, и бабушка приняла его на руки, взяла, положила чуть в стороне, а сама обернулась к дочери, которая продолжала мучаться схватками. Однако второй ребенок не захотел родиться, как положено. Он вышел из тела матери через подмышку и тем убил мать.

Бабушка приняла его на руки, положила рядом с братом, а сама бросилась к дочери, которая уже была мертва. Тогда бабушка повернулась к близнецам и закричала:

– Который из вас убил моего ребенка?!

– Думаю, это был он, – сказал первый.

– А мне кажется, он, – ответил второй.

Этот второй был странным: его тело было, как камень, а на макушке будто лезвие. Это он появился у матери через подмышку, а второй был во всем подобен обычным человеческим существам [...].

Тот, что был виновен, в итоге обманул бабушку, и, схватив близнеца, чья плоть была подобна плоти иных человеческих существ, та забросила его далеко в кусты. А того, кто был весь, как камень, приняла, стала о нем заботиться. Удивительно, как сильно она стала его любить!

[Внук, похожий на человека], выжил, не умер, как хотелось бабушке, когда она его отбрасывала. Это мужское существо было крепким, быстро взрослело [...].

– Пусть же эта земля, как и прежде, продолжает расти, – крикнул он, когда подрос. – А люди пусть называют меня «Росток».

Он придал нынешний вид живым существам и те разбрелись по земле. Все они получились прекрасными, удивительными [...]. А Тавискарон принялся портить то, что делал Росток, стал превращать изготовленное им в бесполезное: [...] вздыбил горы, сморщил землю, собственными руками разметал по ней скалистые утесы. Ему хотелось, чтобы странствуя по лицу земли, люди испытывали страх.

Росток и Тавискарон делили тогда одно на двоих жилище. Слева от очага спал один из братьев, справа второй.

Как-то оба сидели у огня, и Тавискарон спросил:

– Скажи, а чего ты больше всего боишься? Какое оружие в состоянии тебя убить?

– Трава, растущая на болотах, та которую мы зовем «колочка». Думаю, только она и способна поразить мое тело, только с ее помощью можно меня убить.

– Только ее боишься? Нет ли иного оружия, способного лишить тебя жизни? – спросил Тавискарон.

– Думаю, еще стебель камыша способен убить меня, только он может поразить мое тело, – ответил Росток.

После этого Ростоктоже спросил:

– А чего боишься ты?

– Желтый кремений, рога оленя, – вот, что способно убить меня, вот от чего могу умереть, если кто-нибудь поразит ими мое тело.

Отправляясь после этого в странствия, Росток, каждый раз, когда видел желтый кремений, поднимал его, клал на видное место. А когда видел рога оленя, то тоже клал их повыше.

Вскоре оба опять сидели дома. С одной стороны крыша там была выше, чем с другой, и там, где крыша была выше, жил Росток. Он подбросил коры в костер, и на половине дома, где жил Тавискарон, стало нестерпимо жарко, ведь потолок там был ниже. От жара стали трескаться и осыпаться кремневые ноги Тавискарона.

– Слишком жарко ты натопил, – попросил Тавискарон. – Не кидай больше коры в костер.

Но Росток кинул в пламя еще коры, и кремневое тело Тавискарона пошло трещинами, стало отслаиваться. Тот разозлился на брата, который продолжал кидать кору в костер. Некуда было отодвинуться от костра в его половине жилища, корчился от жара Тавискарон. Так рассердился он, что выскочил из жилища, бросился к болоту, нарвал стеблей травы, что зовется «колючка», с криком побежал назад:

– Вот сейчас, Росток, я тебя убью!

Он ударил его травой, но, сколько ни бил, вреда причинить не мог. Тогда снова выскочил из дому, бросился к болоту, нарвал побегов камыша, вернулся, опять стал бить брата. Но и на этот раз не смог его хотя бы оцарапать.

Теперь пришла очередь Ростка. Тавискарон бросился бежать, и так долго продолжалась погоня, что всю землю успели обежать братья. Когда пробегали мимо мест, где лежали желтый кремнь, где были положены олени рога, то Росток бил его этим оружием. Трескалось кремневое тело Тавискарона, далеко по сторонам разлетелись осколки. Каждый раз, когда пробегали мимо мест, где Росток заранее оставил кремнь, загодя положил рога, он наносил удары, пока, наконец, не убил брата.

Если от моря идти на запад, то скоро начнутся холмы, а затем и высокие горы. Говорят, это останки его тела: там он рухнул, когда был убит. Стоит бросить взгляд на землю и можно убедиться, что нигде она не ровная, а вся будто в складках. Где-то горы выше, где-то пониже, но все это следы

той давней погони, когда близнецы бежали, сминая и вздыбливая землю. Именно с тех пор поверхность земли такая неровная [...].

Глава третья. Элиас Джонсон. «Предания Шести народов и История Тускарора» (1881)

Северная Америка долго оставалась вне сферы интересов европейских держав. Ни драгоценных металлов, ни дорогостоящих специй обнаружено здесь не было, так что вкладываться в освоение заморских территорий никто и не желал. К 1560–1580-м единственным посетителями этих берегов были рыболовецкие суда. Воды Ньюфаундленда буквально кишели треской, так что бывали годы, когда на промысел из Северной Европы сюда отправлялись до трехсот пятидесяти судов.

Если рыбаки натыкались на удобную бухту, то могли ненадолго кинуть в ней якорь. Однако с местными индейцами они почти не общались. Ну, разве что меняли им иногда какой-нибудь ненужный хлам на сочную оленью ногу или шкурку бобра. Больше индейцам на обмен предложить все равно было нечего.

Ситуация изменилась с началом XVII века: во Франции вошли в моду шляпы совершенно нового фасона. Изготавливались они как раз из меха бобра и стоили довольно дорого. Парижские шляпники сводили со шкурки длинный верхний волос, а короткий подшерсток особым образом обрабаты-

вали, так что в результате получался шелковистый, переливающийся мягким блеском материал. Сшитый из него головной убор был и красивым, и практичным.

После гугенотских войн французские эмигранты разнесли эту моду по миру. Очень скоро такие шляпы стали обязательным аксессуаром каждого уважаемого и состоятельного бюргера. На их производство требовались десятки тысяч бобровых шкурок. При том, что в самой Европе бобр был давным-давно истреблен. Тут-то над дебрями Северной Америки и возшла счастливая звезда.

Ценные меха во все времена считались товаром редким и престижным. Символом монаршей власти в Средние века являлась ведь не только корона из золота, но и горностаевая мантия. Источником же мехов для жителей Ближнего Востока и Европы всегда был один-единственный регион – Сибирь. Экспорт сибирских мехов столетия назад был не менее прибыльным, чем в наши дни экспорт сибирских нефти и газа. Именно на деньги от меховой торговли вели свои войны и строили храмы московские государи. Однако, пришел момент, когда система все-таки рухнула. Причиной стало появление неожиданного конкурента: в Европу широкой рекой хлынули меха из Канады.

Десятилетие за десятилетием эти нищие берега интересовали лишь еще более нищих европейских рыбаков. Но теперь все быстро и радикально меняется. Интерес к американским лесам проявляли гасконские судовладельцы, бо-

гатые купеческие корпорации Руана, и вроде бы даже сам французский монарх. В 1603 для обустройства колонии в Канаду прибывает очень толковый администратор Самюэль де Шамплен. Именно он заложил основы системы, которая почти без изменений работала потом полтора столетия подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.